

АЛЕКС КИТ

РИСК ДИПЛОМАТА

Часть первая
Кинжал в валізе

18+

18+

Алекс Кит
Риск дипломата. Часть
первая. Кинжал в вализе

<https://litres.ru/74092788>

SelfPub; 2026

Аннотация

На кону судьба молодого дипломата и его доброе имя. Макс Трофимов вынужден бежать, оставляя позади блестящий мир венских дипломатических приемов. Дорога ведет его через Альпы и Неаполь в Баку и Дербент. Чтобы разобраться в правилах опасной игры, ему предстоит понять, кому можно доверять, а кому - нет.

Первая книга серии «Риск дипломата», приключенческого романа о сложном выборе, настоящей дружбе и тайнах, которые не исчезают даже спустя десятилетия.

Содержание

Пролог	4
Угроза	5
Перед боем	14
Схватка	23
Сладость	28
Яд	33
Потеря	39
Побег	47
Хижина	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алекс Кит

Риск дипломата. Часть первая. Кинжал в вализе

Пролог

Вена, апрель 2002 г.

«Временному поверенному в делах В. Цареву.

В целях подготовки встречи министров иностранных дел в связи с ситуацией на Ближнем Востоке 13 апреля с. г. в Вене запланированы переговоры с делегацией США.

В условиях нарастания напряженности в регионе необходимо добиться согласования выгодного нам проекта коммюнике. В противном случае придерживайтесь тактики затягивания переговоров – вплоть до особого распоряжения.

Руководство российской делегацией поручается М. Трофимову. Заместителем назначается В. Царев. Переводчик А. Книжина командировается из Москвы.

Центр».

Угроза

Макс Трофимов никак не мог расслабиться, шея ныла и грозила перерасти в полноценную боль. Непонятно, еще какая лучше: головная или шейная. Душно. Вроде и окно открыто, а воздуха мало. Максим ослабил элегантно завязанный галстук лимонного цвета.

«С дуба они там в Москве рухнули, что ли? Какой из меня руководитель? Как это Царев – заместитель? Он же мой начальник. И вообще, старшее должностное лицо в российской миссии, пока не назначили нового посла».

Венская улица Гюртель стояла, несмотря на раннее утро. Трамваи, велосипедисты, пешеходы, роллеры вступали в свои права по очереди. Нерешительному автомобилисту нелегко протиснуться в этом потоке.

На пассажирском сиденье от вибрации подпрыгнул телефон. Свой первый мобильник Макс купил после приезда в длительную командировку в Австрию и все не мог определиться, куда его удобнее класть в машине.

– Это я.

Максим улыбнулся.

– Готовишься руководить? – Настя Книжина говорила негромко, но, как и полагается профессиональному синхронисту, внятно.

– Шутишь?

– Тебе оказана большая честь. – Девушка произнесла это с гордостью.

– Ой ли?

Максим поерзал. Сегодня все было не в радость. Новый темно-синий костюм сжал грудь, лучший шелковый галстук – горло.

– Ты что, испугался?

– Я привык работать за спинами взрослых. Знаешь, винтик в системе: дисциплина, исполнительность, незаметность.

– Но ты же дипломат экстра-класса. Ученик самого Царева!

– Именно! Ученик Царева, – с напором повторил Максим. Он то трогался, то снова тормозил в утренней пробке. – И с чего это я вдруг возвышен над своим учителем, мне непонятно.

Оба замолчали. Насте хотелось о многом рассказать. Она прилетела из Москвы только этой ночью и включилась в работу переговорной группы с колес. С Максом они не виделись почти полгода с тех пор, как он после похорон матери уехал из России. Но понятно, что сейчас ему не до романтических переживаний. Внезапное назначение, сложные переговоры, непредсказуемая ситуация.

– Макс, Центр назначил старшим тебя, и ты обязан исполнить поручение. А мы обязаны подчиниться тебе. Прошу об одном: говори на переговорах помедленнее – пожалей переводчика!

– Шути, шути...

– Ладно, давай, ни пуха тебе ни пера! Пойду марафет наводить, увидимся скоро, шеф! – хихикнула на прощание Настя.

Макс отключил телефон и истерически посигналил подрезавшей его машине. Номера американской миссии. Руки вспотели, не сразу удалось крепко взяться за руль.

«Верти головой во все стороны», – на автомате всплыли инструкции Царева, который учил его не только дипломатическому мастерству, но и премудростям управления автомобилем. Макс не очень любил водить машину и при всякой возможности старался пройтись пешком или воспользоваться общественным транспортом. Однако сотрудникам миссии полагалось ездить на представительской БМВ. Левые повороты через Гюртель давались уже легче, но при парковке он по-прежнему паниковал.

Как всегда, оставил машину в паре кварталов от «Гранд Отеля». Он предпочитал небольшую прогулку по бульвару метаниям по тесным проулкам в поисках дефицитных мест. Заходя в шикарное лобби, заметил «мерседес», беспардонно припаркованный под носом у портье перед вращающейся стеклянной дверью. Макс узнал номера. «Вообще-то оставлять здесь автомобиль строго запрещено...»

Роскошь царила в этой гостинице в любое время суток. Даже ранним утром она не нуждалась в прихорашивании – сияла отполированным мрамором, благоухала свежесварен-

ным горячим шоколадом, манила бархатом диванов. Посетитель невольно приобщался к сообществу шейхов, президентов, дам в бальных платьях, накачанных мужчин с характерными для спецслужб проводками в ушах.

Сухой, с прозрачно-голубыми глазами Джон Кейс ожидал его для частной беседы в лобби. Глава американской делегации предложил провести ее до начала официальных переговоров, как только узнал из вербальной ноты¹, что Максим получил назначение.

Подтянут, рубашка хрустит, пиджак в облипочку, фарфоровые зубы сияют. На крошечном столике у дивана свежесжатый апельсиновый сок.

– Мистер Трофимов, мои поздравления с повышением! – сухо продребезжал Кейс и узко улыбнулся. – Ты превосходно водишь машину, коллега!

– Господин Кейс, вы мне льстите. Это не повышение, а временная мера. И благодарю за комплимент. К сожалению, не могу ответить взаимностью: ваш автомобиль запаркован в нарушение законов страны пребывания. – Макс погрузился в велюровые подушки как в ванну.

– Внезапное повышение в обход шефа – отличный шанс проявить себя! Именно в конфликтной ситуации мы растем над собой, получаем дополнительные возможности. Конфликт – лучшее топливо. – Кожа вокруг губ Кейса двигалась

¹ Наиболее распространенный документ дипломатической переписки, например иностранных посольств между собой либо с МИД страны пребывания.

как гармошка, но звук выходил сиплый.

– Господин Кейс, я читал о такой трактовке личностного роста в американской культуре, но я не очень люблю конфл...

– Джон, – не дал договорить собеседник, – называй меня Джон! – Американец явно чувствовал себя хозяином положения и не скрывал радости от своего превосходства. – Между нами пролегли минимум тридцать лет. Но поверь, их так же легко преодолеть, как и разногласия на сегодняшних переговорах. Кстати, надеюсь, ты настроен завершить их быстро? Я уже арендовал фиакр на семнадцать тридцать. Давно мечтал прокатиться по этому очаровательному городку в запряженной лошадьми карете. В девятнадцать ноль-ноль американская делегация посетит Венскую оперу. – Он с многозначительным видом вытянул шею, похожую на черепашую. – Текст коммюнике практически готов, так что мы управимся с тобой до обеда. Успеем еще съесть по знаменитому венскому шницелю! – Он подпрыгнул и хлопнул Максима по плечу.

– Господин Кейс, ...

– Я же просил, просто Джон! – Вернувшись в кресло, американец перевел дыхание: – Знаешь, нам с английским языком гораздо проще живется. Мы сразу на «ты». А вам многое труднее дается именно из-за нелепых церемоний – пока преодолеете это все: «вы-ты», Анатолиефитч. – Американец делано произнес отчество Максима и захохотал, довольный собой.

Максим почувствовал себя ужасно усталым. Вспомнил, как мама пересказывала книгу об энергетических вампирах. Их главное оружие – обескуражить собеседника, заставить почувствовать несуществующую вину и оправдываться.

– Прощу меня извинить. – Максим вышел в уборную.

Расстегивая ширинку под музыку Штрауса, лившуюся из динамиков, Макс представил высушенное лицо Кейса. Почувствовал, как успокаивается. Ощущение контроля вернулось, плечи расправились. Вымыв руки из похожего на ювелирное украшение крана, посмотрел на собственное отражение в помпезном зеркале. Решил, что в парадном наряде немного похож на пилота.

– Джон! – Максим подбежал к Кейсу, выставляя напоказ свои натуральные зубы. С силой хлопнул партнера по жилетному предплечью и, слегка понизив голос, заговорщицки добавил: – Извини за не очень бодрый старт! Вчера слегка перепраздновал... ну ты понимаешь, не каждый день выпадает шанс подняться сразу на три ступени по карьерной лестнице. – Продолжил серьезно: – Не могу гарантировать, что красотке Сьюзан не придется сегодня вечером в одиночестве кататься в карете по венским улочкам.

Джон зримо подобрался. Это был неплохой ход молодого дипломата, его не стоит недооценивать. То, что русские уже знали, что два часа назад он заселился в просторный сют с крошкой Сью, которая долго ныла, что хочет непременно в Вену вместе с ним, его не удивило. Важнее, насколько

быстро Максим применил агрессивный прием. Интересно, может, он уже и видео из номера посмотрел? Кейс лишний раз похвалил себя за то, что принял таблетку, стимулирующую потенцию. Хотя бы не опозорился перед русскими.

– Максим, в Вене рано закрываются магазины, а мисс Книжиной надо успеть на шопинг. К тому же «Богема», кажется, – ее любимая опера? – Кейс просиял. Вернул удар, когда соперник расслабился и позабыл про оборону.

«Ах ты сволочь! – Макс физически ощутил прилив пота на лбу, в подмышках и на ладонях. – Знает про нас с Настей. Всё сечет, гад». Он прокашлялся и лучезарно улыбнулся. Удачная шутка, мол.

К их столику подошла хорошенькая, молоденькая официантка и отвлекла на себя внимание. В очаровательном бордовом передничке с именем Ева, вышитым бежевыми нитками, она принесла венскую булочку «земмель» со сливочным маслом и абрикосовым вареньем. Поставила сахар и молоко. Попросила сделать заказ и сразу расплатиться за завтрак, поскольку ее ночная смена закончилась.

Кейс заказал какао, «шоколад» по-местному. Макс вспомнил, что «Гранд Отель» – одно из немногих мест в Вене, где можно выпить нормального заварного чая, и обрадовался. Европейский культ кофе рассек чайный мир на две неравные части: Азию с Россией с одной стороны и их далекую родственницу Англию с другой. Европа размахивала флажками пакетиков, принимая их за настоящий чай, поэтому рассып-

ная заварка здесь – экзотика.

Ева вернулась с напитками. Возня с чайниками и булкой дала время, чтобы сосредоточиться. Макс привычно отложил в сторону мякиш – в «земмеле» он любил только похожую на скорлупу корочку. Он уже мысленно готовил доклад Цареву, который останется для него непререкаемым авторитетом в дипломатии, как бы там ни чудила Москва.

Отпив из чашки, он обстоятельно произнес:

– Джон, проект коммюнике еще «сырой». Будем работать абзац за абзацем. Без спешки. Если успеем все согласовать до оперы – хорошо. Не успеем, значит, сходишь завтра – на балет. Ты же не хуже меня понимаешь, что мы не имеем права отдавать министрам на подпись документ, не выверенный до последней запятой. Да простит нас богема на фиакре.

Кейс помрачнел и яростно всосался в какао.

«Уфф, неужто удар отбит?» – не поверил своей удаче Максим. Сразу захотелось похвастаться отцу. По детской привычке он всегда вспоминал о нем в моменты успеха. Родители разошлись, когда Макс был еще маленьким. Отцу, полиглоту, прочили успех в дипломатии, но отчислили из института с последнего курса. Мама не смогла принять этот провал. Ушла вместе с сыном. Построила свою карьеру. В итоге дипломатом стал Макс. Папа довольно скоро умер. «Не вынес расставания», – с горечью признала мама перед смертью.

Джон безуспешно боролся с шоколадом, который совсем

загустел и еле вытекал из чашки. Махнул рукой официантке, уже снимавшей передник, прошептал что-то на ухо. Она растерянно улыбнулась, похоже, ей предложили непристойность.

– Ну что же, Джон, хорошего утра, – завершил бесполезную встречу Макс. – Надеюсь, ты успеешь еще отдохнуть, у нас есть пара часов до начала переговоров. – Максим поправил галстук и подмигнул своему визави.

– О да, Максим, я о-очень надеюсь успеть отдохнуть, – томно попрощался Джон, не вставая и не глядя на него. Он был всецело поглощен официанткой, липко теребя ее руки испачканными в шоколаде артритными пальцами.

Перед боем

Собрались в посольстве в кабинете поверенного в делах, Виктора Никитича Царева. Он мог бы занять и кабинет посла, приезд которого пока откладывался. Но почтение перед священным для профессионалов титулом не позволяло этого сделать даже временно. В его комнате, как всегда, работал на полную мощность кондиционер, недаром в коллективе ее называли «Пингвинарий».

Не дожидаясь прихода советника Сергиенко и Насти, поверенный расспрашивал Макса:

– Как с Кейсом познакомились?

– Сволочь первостатейная. – Макс говорил без церемоний, как было заведено на рабочих совещаниях.

– Доживи до его лет, и чтоб стоял еще. Он свое дело знает.

Максим нахмурился:

– Он хочет как можно быстрее завершить переговоры, то есть продиктовать свой текст. Типа у них культурная программа, не до мелочей вроде коммюнике.

– Понятно. Вторжение для него – дело решенное. Чего о нем судачить? Лучше на достопримечательности поглазеть да молодуху свою подрючить, пока жена на той стороне океана химиотерапию проходит.

– Я же и говорю – сволочь! – запальчиво повысил голос Максим. – Я, кстати, ему про компаньонку его, Сюзан, ввер-

нул...

Царев взглянул исподлобья, подавляя вспышку гнева.

– Детеныш ты еще. – Сменив регистр, продолжил ровным голосом инструктора по вождению: – Пойми, это твой партнер по переговорам. Посланец США. При любом раскладе руководители американской и российской делегаций должны расстаться друзьями. Вы олицетворяете два народа.

– Но он провокатор! – обиделся Максим. – И я поставил его на место!

– Ну да, ну да.

Строевым шагом вошел Сергиенко, следом – смущенная, угловатая Настя.

– Разрешите?

– Входите. – Царев дружелюбно улыбнулся и указал на свободные стулья. – Как долетели, Анастасия?

– Спасибо, Виктор Никитич. Все в порядке. – Больше всего Насте хотелось бы наброситься с объятиями на Макса, но она лишь бросила в его сторону короткий взгляд. Макс заботливо помог девушке усесться.

– Поселили вас удобно, никто не обижает? – Поверенный задавал дежурные вопросы, будто не замечая немого диалога между молодыми сотрудниками.

– Спасибо, все отлично, – ответила Настя насколько можно бойко, понимая, что это формальная вежливость, не предполагающая обсуждения.

– Ну, раз с церемониями покончено, перейдем к совеща-

нию. Сергеич, тебе слово.

Плавнo шевельнув усами, Сергеенко заговорил:

– «Ястребиная» часть американцев во главе с Кейсом планирует вторжение в известную вам ближневосточную страну. Хотят заручиться нашим согласием. Поэтому в проект коммюнике включили выгодные им формулировки. А нам поручено как раз эти тезисы оттуда исключить.

Царев кивнул. Настя сделала пометки в блокноте. Максим уставился на нее и не успел проконтролировать мысль, мгновенно устремившуюся под брусничного цвета костюм, в мягкое хлопковое нижнее белье, всегда разноцветное, никогда не в комплекте...

Усы Сергеенко построились в домик:

– Кейс будет давить на Максима. Методы стандартные – сбить с толку, развернуть спор с предмета на личность. В идеале – вывести из равновесия. – Он зафиксировал взгляд на Максе, дождавшись его внимания. – Американец будет играть на нестандартной ситуации внутри нашей делегации: Царев унижен, ты возвышен. Будет намекать, что ты никто, а он, Кейс, – великий дипломат с международной известностью. Короче, твои эмоции – его оружие. Твоя слабость – его сила.

Максим внимательно выслушал советника и повернулся к Цареву, ожидая комментария, но тот решил пока воздержаться:

– Ребята, а не махнуть ли нам чайку? – Он позвонил по-

мощнице, попросил заварить «как всегда» и пояснил: – Люблю покрепче.

В кабинете появилась сервировочная тележка. Чай дымился в кобальтовой сетке чашек. Настя засуетилась у стенового шкафа, где хранились припасы:

– Вы с сахаром пьете?

Максим подскочил помочь. Доставая коробку конфет с верхней полки, прихватил на секунду руку подруги. Девушка слегка покраснела.

Когда снова расселись, Царев зашелестел фантиком искомандовал:

– Ребята, угощайтесь. Свежайшие! Только из Москвы.

Пока Сергиенко, наклонившись к Цареву, что-то тихим голосом разъяснял, Максим с Настей общались безмолвно. Глаза девушки выражали нежность, вопрос и надежду. Молодой человек пытался ответить убедительно. Для верности под видом рабочих заметок нарисовал в ее блокноте глаза и подписал: «Пленник».

Сергиенко прокашлялся в колкие усы. Настя спешно перелистнула страницу, приготовилась дальше вести протокол.

Царев произнес:

– Итак, сегодня Кейс будет пробивать брешь в твоей психике, Макс. Твоя сила в том, что за тобой страна. Это понятно?

Макс кивнул.

– Все его подколы возвращай обратно. Не опускайся до

оскорблений, даже если он их себе позволяет. Не вставай в позу обиженного. Просто иди вперед, уверенно, спокойно, как слон. Правда на твоей стороне, – Царев глотнул чай, – ну а если не вмоготу – что делаешь?

Максим вопросительно посмотрел на наставника.

– Широко улыбаешься! И чем тебе тяжелее, тем шире улыбка. – Поверенный для наглядности изо всех сил растянул рот. Затем по обыкновению уточнил: – Вопросы, предложения, замечания?

Все промолчали.

– Ну, тогда расходимся? – Царев поставил пустую чашку на блюдце и добавил: – Трофимов, на пять минут задержись.

Сергиенко прихватил лист бумаги с понятными только ему закорючками и гибко удалился. «Неужели съест?» – мелькнуло в голове у Макса. Настя на выходе оглянулась и, ободряюще подмигнув, вышла.

– Трофимов, соберись! У тебя есть час на подготовку по субстантиву переговоров. Подборку документов имеешь. Твои красные глаза подсказывают мне, что ты неплохо их проштудировал сегодня ночью. И это вместо того, чтобы с Настей погулять. Смотри, упустишь красавицу.

Максим умоляюще посмотрел на него.

– Все, молчу, молчу. Сейчас тебе надо настроиться на бой. Это ясно?

– Да, предельно. Нет ли дополнительной информации из Центра? Обещанных инструкций?

– Ничего, что могло бы быть полезным. Очень надеюсь, что к обеду придут четкие указания. Москва ведет себя странно. – Царев замолчал, встал, обошел стол и наклонился к Максиму: – Кто-то делает ставку на твою слабость и на то, чтобы поссорить нас. Этот кто-то должен просчитаться. Нам предстоит переиграть не только американцев, но и этого кого-то.

Максим почувствовал на коже мурашки.

Царев похлопал его по плечу.

– Мой отец прошел всю Отечественную, дошел до Восточной Пруссии, потом в Маньчжурии добивал врага. Он завещал мне любыми способами не допускать войны. Они за нас повоевали вдоволь, мы обязаны беречь мир!

– Да, Виктор Никитич.

Царев, глядя в окно, задумчиво проговорил:

– Сегодня годовщина освобождения Вены. Знаешь, меня назвали в честь командира, который в боях за Вену спас...

– Вашего отца?

– Нет. Говорю же, отца из Пруссии отправили на Дальний Восток. А тот командир спас близкого друга моего отца.

– И вас назвали Виктором?

– Да. В честь того командира и в честь Победы.

– Это ко многому обязывает.

– Еще бы. В трудные моменты всегда вспоминаю папино девятое мая сорок пятого года.

– Расскажите!

Царев глянул на часы.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

– Если бы у меня был кинжал, вложил бы тебе в ножны, как оберег перед боем. Но раз кинжала под рукой нет, вложу тебе в душу историю. Слушай.

Царев уселся рядом с Максом и повел рассказ, словно перевоплотившись в героя войны:

«Победу встретили мы в поезде. По пути из Пруссии в Маньчжурию.

Подошли к полустанку посреди Сибири. Юный, очень худой начальник станции впрыгнул в штабной вагон.

Не сдерживая переполняющее его волнение, захлебываясь, прокричал:

– Победа, товарищи! Победа!

В вагоне установилась тишина. Мы обратили взоры на командира.

Генерал и бровью не повел. Требовательно взгляделся в молодого начальника станции. Тот нервно сглотнул и, повторно отдав честь, с усилием выпалил:

– Здравия желаю, товарищ генерал! Разрешите доложить. К приему состава все готово. Обстановка на станции штатная. – Замолчал и, оробев перед фронтовиками, тихонько повторил: – Победа, товарищ генерал. Германия безоговорочно капитулировала.

Наш командир строго оглядел всех. Мы перестали даже

дышать. Повернулся к офицеру:

– Победа, говоришь?

– Так точно, товарищ генерал! – выпалил начальник станции. – Только что поступило сообщение из Москвы! – Он почти взвизгнул, перекатился с пяток на мыски и обратно в попытке сдержать возбуждение.

В вагоне сделалось нестерпимо жарко, захотелось расстегнуть воротничок, выбежать, глотнуть вечерней прохлады, ледяной воды.

Генерал, не меня серьезного выражения лица, проговорил:

– Слушай мою команду!

Мы вытянулись по стойке смирно.

– Общее построение. Спирт. Сало. Тушенка. Музыка. На подготовку пятнадцать минут.

– Есть! – Напряжение от переполнявших эмоций, казалось, взорвет вагон. Пот выступил на лбах и расползся по гимнастеркам.

Генерал тихо добавил:

– Товарищи офицеры, вольно.

И вдруг проревел раскатистым, командирским голосом да так, чтобы услышал весь наш поезд:

– Победа, товарищи! Победа! Ура!

И тут наша энергия выплеснулась как лава из извергающегося вулкана. Мы закричали что есть силы. Генерал схватил начальника станции и расцеловал как ребенка. Все бро-

сились обниматься, прыгая друг на друга, хватая за руки, волосы, плечи, уши, подбородки, подбрасывая фуражки. Мы орали все сильнее, все иступленнее. Хрупкого начальника станции принялись качать.

Через несколько минут эта буря стихла. И возникла неловкость. Сделалось вдруг тошно. Некоторые отворачивались, утирая рукавом глаза. Каждый подумал о ком-то, кто не дожил до этой минуты, кто отдал за нее жизнь. За кого нам теперь жить...»

Глаза Царева светились, он словно видел эту сцену наяву.

Максим спросил:

– А потом?

– А потом мой отец служил в Уссурийском крае, прямо на границе. Перебросили туда из Вены и его лучшего друга. Скоро приехала моя мама. Привезла с собой сестру. Сложилось две семьи. Родился сначала я. Потом двоюродный брат. Моих родителей рано не стало. Дядя нас обоих с братом поднимал. – Царев тряхнул головой, встал и вернулся на рабочее место. – Так, что-то заболтались мы, Максим, а нам работать пора. – Он указал на конфеты и нетронутую Максом чашку с чаем. – Забирай, у себя допьешь.

Схватка

Обслуживающий персонал «Гранд Отеля» ушел домой, как и положено, строго по расписанию – семь часов назад. Со свойственной педантичностью отключили кондиционеры, закрыли окна и по недосмотру не оставили запаса воды.

Темно-синий костюм и лимонный галстук Макса превратились из элегантной формы капитана воздушного судна в поношенный мундир с душком. Макс старался не смотреть на Настю, которой еще сильнее, чем ему, хотелось пить в тесной кабинке переводчика. Ее голос в наушниках звучал ровно, но совершенно изнуренно, как и у осипших от бесплодных речей дипломатов. Поскрипывание резных стульев, обитых бордовым бархатом, придавало происходящему сходство с читкой в старом театре.

Кейс в раздражении двигал желваками, то постукивая по столу артритными костяшками пальцев, то сбрасывая с себя невидимые пылинки. Он ненавидел Максима и Настю. Сегодня утром после завтрака молоденькая официантка из лобби согласилась подняться в его номер со Сьюзан, где они провели волшебное время втроем. По получении чаевых Ева предложила зайти еще и вечером, «обсудить оперу». Теперь дамы веселятся, а он сидит всего на несколько этажей ниже в вязкой мороке, с этими никчемными людьми.

Из тоски его вывела сладостная мысль о мести. Сначала

он задумал заманить Настю в свой номер и скомпрометировать. Не для удовольствия, естественно, – эта особа чересчур серьезна, столь проницательных женщин он обычно сторонится. Просто для скандала. Но после некоторого размышления он остановился на более заковыристой схеме и ухмыльнулся. Будут знать, как обламывать старину Кейса! От предвкушения у него даже как будто что-то мельком шевельнулось в штанах.

Внезапно ажурные двери в стиле рококо распахнулись и в переговорный зал ворвался выходящий зачем-то пару часов назад Царев. Широко улыбаясь, он внес на подносе стаканчики с кофе и свежие булочки, зажимая под мышкой бутылку Дербентского коньяка.

«Карлсон прилетел, – невольно улыбнулся Максим. – У какой Фрекен Бок он стащил плюшки посреди ночи?»

Американцы были сражены: где можно раздобыть такую прелесть в Вене после десяти вечера? Магазины и пекарни давным-давно и накрепко закрыты.

Напряжение в зале сменилось оживлением, подпитываемым ароматами свежесваренного кофе и корицы. Пока делегаты, встав с кресел, разбирали напитки, Царев отозвал Максима в сторону.

– Иди в машину. Поспи полчаса.

Макс посмотрел на него в изумлении.

– Так поступают на трудных переговорах на Востоке: один спит, другой работает. Потом смена караула, – уговаривал

Царев. – Ты отдохни маленечко, а я тем временем развлеку клиентуру.

Макс согласился. Вышел на улицу и уселся в еще теплую машину Царева. Провалился в сон сразу, как только захлопнулась дверь, не успев додумать мысль о том, что и Насте надо обязательно отдохнуть.

Вернувшись ровно через тридцать минут, он застал в зале удивительно непринужденную атмосферу. Делегаты, перемешавшись между собой, курили и пили коньяк из кофейных стаканчиков. Группа мужчин постарше собралась вокруг Царева, травившего нескончаемые байки, и от души хохотала. Молодежь прилипла к Насте, счастливой от возможности покинуть келью переводчика и просто поболтать, а не кричать в микрофон. И только Кейс остался сидеть на начальственном троне. Насупившись и не глядя на других, он методично щелкал по ногам и плечам пальцем, чтобы наконец сбросить с них пылинки, заметные ему одному.

Царев, увидел входящего Максима, подмигнул и нарочно громко спросил:

– Максим Анатольевич! Вы успели прочитать директиву, о которой я вам доложил?

Присутствующие насторожились. Даже Кейс на мгновение отвлекся от самоочищения.

– Безусловно, – так же делано ответил Максим. – Надеюсь, вы тем временем сообщили уважаемым партнерам о новой позиции Москвы?

– Что вы, господин Трофимов, я не имею таких полномочий. Глава нашей делегации – вы.

– Господин Царев, при наших добрых друзьях сугубо доверительно сообщаю: вы всегда наделены полномочиями заменять меня.

Американцы все еще принимали спектакль за чистую монету, но Макс почувствовал, что комедию пора заканчивать. Он уловил задумку Царева: измотать партнеров (времени было уже около пяти утра), слегка подпоить, сбить с толку и – внушить свое. «А на утреннем совещании он приписывал эту стратегию как раз нашим оппонентам», – не без ухмылки вспомнил Макс.

– Уважаемый глава и члены официальной делегации США, прошу всех вернуться за переговорный стол, мы продолжим пленарное заседание, – церемонно обратился к собеседникам Максим.

Лица американцев исказились.

– Опять за переговорный стол?! – Кейс зарычал, как разбуженный пьяница. – Разве мы мало за ним прозаседали? Скоро сутки, как мы находимся в абсолютно непродуктивном состоянии. Я требую незамедлительно утвердить наш проект и прекратить этот балаган!

– Прекратить балаган – мы всегда пожалуйста! Но без коммюнике встреча министров не состоится, – холодно и недипломатично отрезал Царев.

В зале повисла тишина. За отменой саммита, анонсиро-

ванного публично, могли последовать нежелательные оргвыводы. Подчиненные Кейса устремили на него вопросительные взгляды.

– Хорошо, мы готовы добавить предложенные вами абзацы в коммюнике и согласовать компромиссный текст. На этом точка. – Кейс попытался замаскировать свою уступку приказным тоном.

Царев растянул губы даже шире, чем утром на совещании, и, урча от удовольствия, предложил тост за успех предстоящего саммита. Настя распечатала и раздала делегатам итоговый вариант коммюнике. Максим и Джон молча парафировали² документ, после чего Кейс поспешно поднялся в номер. Остальные с облегчением допили коньяк и тоже покинули переговорный зал.

² Закрепили предварительную договоренность сторон в будущем подписать документ в согласованной редакции (путем проставления инициалов руководителей делегаций).

Сладость

Раннее апрельское утро ошеломило свежестью. Максиму и Насте хотелось, чтобы вся делегация, весь город, весь мир разделили с ними счастье победы. То, что несколько часов назад казалось недостижимым и пугающим, сейчас уже принадлежало прошлому. Они справились с поставленной Центром задачей.

Парочка побрела по пустынным венским улицам, лишенным еще привычных запахов кофе и пирожных. Каблучки красных туфелек без задников гулко стучали по мостовой Кергнерштрассе. Настя тихонько напевала. Вообще-то она не умела петь – в первом классе из сорока двух детей ее единственную не взяли в хор, во время школьных торжеств просили открывать рот без звука. Но в минуты особого душевного подъема она затягивала впитанное в пионерии. Когда настал черед «Потому, потому что мы пилоты...», Макс не выдержал и подхватил, содрав с себя наконец этот осточертевший галстук лимонного цвета.

Добрели до грандиозного Штефансдома с крышей, похожей на табасаранский ковер. Собор, казалось, взирал на пару благосклонно.

– А ведь Царев превысил полномочия, никакого письма из Москвы не было, да? – проверила свою догадку Настя.

– Письма не было. А полномочия не превысил. Он здесь

главный, он решает.

– Не боится так рисковать?

– Кто, Царев? Он ничего не боится. Он из такой семьи, где не принято отступать или бросать. И отец, и дядя у него – герои, – поделился новым знанием Максим.

– Отец и дядя?

– Царев рассказал мне, что близкий друг отца женился на сестре его матери. Родителей рано не стало, и дядя сам вырастил Царева и его двоюродного брата.

– А двоюродный брат – это тот большой начальник в Москве?

– Да, Расулов.

– Если честно, они не очень похожи с Царевым.

Максим пожал плечами.

Обойдя Штефансдом, пара двинулась по старинной улице Грабен.

– Знаешь, Царев потерял сына, когда тот учился в институте. Но все равно не сломался.

– Господи, сына? Наш Царев?

– Да. Там какая-то трагедия случилась. Но он не распространяется об этом.

– Бедный.

– Да. Я все ума не приложу, почему не его, а меня назначили руководителем делегации?

– Максим, теперь, когда все хорошо закончилось, это не так уж важно. Самое главное, что вы с Царевым остались

одной командой и добились нужного результата.

– Да, он молодец. В любых обстоятельствах оптимист и живчик!

Максим обнял Настю.

– Не мерзнешь, заяц?

На площади Михаэлерплатц он остановился, взял в свои ладони крошечные Настины руки и поцеловал каждый пальчик, глядя в глаза чайного цвета.

– Макс, после сегодняшнего успеха тебе могут предложить работу в Москве? – наконец решилась задать главный вопрос девушка.

– А зачем мне в Москву? Мне тут интересно! – не задумываясь, искренне ответил молодой человек.

Настя отвернулась к дворцу Хофбург, из-за которого выстрелил первый луч солнца. Ей-то хотелось, чтобы Максим поскорее вернулся и они жили и работали вместе. Как минимум, она ждала слов о том, как сильно он тоскует без нее. Но он, похоже, думает только о своем Цареве.

Вена порозовела. Птицы по-утреннему заворчали. Громыкнул первый трамвай. Город ожил, задвигался, заговорил голосами уборщиков, хозяев кафе, международных чиновников. Перед входом во дворец появились первые стайки туристов, старательно растягивающих сутки, отведенные на общение с прекрасным городом. Душистый страж Вены – кофе-меланж заступил на свою ароматную вахту.

– С добрым утром, заяц! – Максим попытался поцеловать

Настю в губы, но она уклонилась.

– Я проголодалась и устала. Пора домой.

Через десять минут молчания Макс вынырнул из анализа событий прошлой ночи и заметил, что они уже дошли до по-сольства. Настю на время командировки поселили в гостевой квартире в унылом жилом доме современной постройки. Макс потянул ее к помпезному особняку миссии.

– Зачем нам туда? – удивилась девушка, позволяя любопытству пересилить обиду.

Макс с озорством просиял.

Старый графский особняк изнутри блестел как набриолиненный юнец перед первым вальсом. Темно-коралловые колонны обрамляли парадную лестницу из розового мрамора. Нижний этаж затемнен, второй залит светом, струящимся через невидимые снизу окна, словно наверху расположена терраса без крыши.

Дойдя до ступеней, Максим развернул Настю и прижал ее к себе. Губы их слились, рука его добралась наконец до всего, что скрывалось под пиджаком и юбкой брусничного цвета. Обнаружив, что Настя в чулках, Макс ахнул от восторга. Медленно пара опустилась на красный ковер, лишь отчасти смягчающий мраморную твердь лестницы. Удовольствие примирения усилилось местом действия: здесь под объективами камер обычно встречаются высокие официальные делегации.

Не успели влюбленные оправиться и найти упавшую ту-

фельку, как услышали шаги дежурного, выходявшего покурить. Они и забыли, что он здесь ночует. Быстро убегая вверх, парочка прыснула от смеха.

Явление сослуживца вернуло к реальности. Семь утра. Впереди подробный доклад о результатах переговоров, общение с прессой и дипкорпусом, куча прочих дел. Разошлись совершенно счастливыми. Настя побежала переодеться в квартиру. Макс направился в рабочий кабинет.

Яд

За столом с бумагами Макс почувствовал, что его одолевает сон. Он вспомнил, что Царев собирался переговорить с ним до начала рабочего дня. Решил, что тот с минуты на минуту зайдет и разбудит, поэтому позволил себе ненадолго отключиться.

Из сладкой дремоты выдернули тревожные позывные Си-Эн-Эн в вечно работающем телевизоре. На экране красовался Кейс. В мелькающих кадрах он суетился перед микрофоном в том самом зале Гранд-Отеля, где пару часов назад завершились переговоры. Фарфоровые зубы, казалось, отражали интерьер с лепниной, статуэтками и вензелями. Кофейные стаканчики и коробки из-под пончиков, как по волшебству принесенные Царевым ночью, исчезли. Камеры, микрофоны и карандаши журналистов притаились перед началом новостной охоты.

«Что происходит? Мы же договорились обойтись без пресс-конференции. Он без меня собрался выступать?!» – Максим усиленно тер глаза.

– Дамы и господа, я даже не ожидал увидеть в столь ранний час такое количество дружеских лиц! Наверное, вы все живете по американскому времени. И правильно делаете! – провозгласил Кейс в прямом эфире как звезда шоу-бизнеса. – Нас ждет небольшой киносеанс. Вернее, мы посмотрим

не кино, а диафильмы. Помните, в детстве нам показывали диафильмы? – Натруженной улыбкой он испытывал пределы растяжимости кожи на щеках, глаза мерцали ледяным светом.

«Козел ты старый, это не тебе показывали диафильмы, а ты их показывал своим внукам, которые старше меня!» – Максим занервничал. Он набрал рабочий номер Царева, но тот не ответил. Позвонил дежурному:

– Царев в посольстве?

– Еще не приезжал.

– Странно. Как появится, сразу сообщите мне, пожалуйста.

Макс не отрывал глаз от телевизора. В зале «Гранд Отеля», полном журналистов, погас свет. Проектор вывел на развернутый на одной из стен экран фотографию.

Максим поперхнулся вчерашним чаем, который глотнул на автомате.

На фотографии вполоборота стоял Царев, не видя, что его снимают. Кадр был сделан на улице, кажется, во дворе жилого дома миссии. В руках поверенный держал коробку типа почтовой посылки. Далее последовали снимки с изображением этой коробки крупным планом.

Зрители в зале, как и Максим, недоумевали.

– Друзья, как вы думаете, что мы видим на фото? – Кейс выдержал театральную паузу, добиваясь полной тишины. – Пока наша делегация в этом зале пыталась вести переговоры,

искать мирные, дипломатические решения известной международной проблемы, – Кейс поднял указательный палец, – кое-кто занимается делами, весьма далекими от дипломатии...

В зале послышался ропот и требовательные выкрики журналистов. Шоу Кейса затягивалось.

– Имейте терпение, дамы и господа. Вы все, наверное, узнали героя на фото. Вы заметили и странную упаковку. Подумали: это лекарство, личные вещи или документы? Но нет!

Максим вскочил, одновременно яростно тыкая в клавиатуру мобильного и вертя диск городского, чтобы дозвониться наконец Цареву.

Напряжение в зале «Гранд Отеля» достигло высшей точки. Подобно хищникам, сосредотачивающимся перед решительным прыжком, сотни губ и пальцев приготовились сообщить ошеломляющую новость первыми. Вот она, добыча.

Телекамеры максимально приблизили лицо Кейса. Он заговорил нарочито тихо и медленно:

– На самом деле в коробке – сырье для химического оружия. Оно поставляется в известную вам страну весьма замысловатым путем. И осуществляет эти поставки не кто иной, как лично господин Царев!

Зал выдохнул и затараторил в телефоны и диктофоны.

Кейс взвизгнул:

– Это и есть истинная причина нашего предстоящего

вторжения! Мы должны остановить угрозу применения оружия массового уничтожения! Мы защищаем мир! – Последние слова потонули в гуле многоязычного гомона журналистов.

Информационная бомба взорвалась. Отрава, как газ, стремительно заполнила собой мировой эфир.

Кто-то из репортеров успел опомниться и попытался задать уточняющие вопросы. Но Джон Кейс резко удалился в неожиданно раскрытую за ним потайную дверь, «задрапированную» золотым канделябром. В кадре мелькнула вчерашняя официантка Ева. Софиты погасли. Трансляция закончилась.

Ведущая новостного выпуска крикливо повторяла только что сказанное Кейсом. На экране многократно мелькало лицо Царева и загадочная коробка. Снизу бежала кровавая строка «новостей».

Без стука вошел Сергиенко. Выругался матом.

Вбежала помощница из приемной.

– Срочно! Звонят.

Макс сообразил: «Москва требует разъяснений».

Голос в трубке прозвучал холодно, слегка механически:

– Это Расулов. Где Царев?

Максим вздрогнул. Поверенный до сих пор не появился в посольстве, что было совсем на него не похоже.

– Он отошел.

– Обосрался, что ли? – проревел абонент.

– Какие будут указания?

– Указания, мать твою! Все про...ли, а теперь указаний ждут. Зачем американца разозлили? Какого ... директивы нарушили?

Максима передернуло от грубости, не принятой в посольстве: «Да, двоюродные братья совсем не похожи между собой».

– Докладываю. Четко следовали полученному распоряжению – затягивать время на переговорах с делегацией США. В результате затягивания удалось склонить партнеров к согласованию приемлемого текста коммюнике. Оставалось опубликовать его сегодня в условленное время.

– Ты вообще телевизор смотришь?

– Да, я видел выступление Кейса. Пресс-конференция – его экспромт. Считаю, он ведет собственную игру, – взволнованно объяснил Максим, – скорее всего, в обход администрации...

– Хватит оправдываться! Пусть Царев срочно свяжется со мной! – Гудок истерично взвыл и разделил собеседников.

Макс захотел в туалет. Нестерпимо. Заметив, как он побледнел, Сергиенко сказал:

– Сходи домой, приди в себя. Часок у нас есть, пока Москва все переварит.

«И изрыгнет...» – подумал Максим и смутился от собственной дерзости.

Сергиенко присел. Макс усилием воли перестал думать о

туалете и проговорил:

– Доложил ли Кейс в Вашингтон о согласовании коммюнике? – Зажмурившись, он почти простонал: – Черт, ну все же шло хорошо...

– Возьми себя в руки. – Голос советника звучал ровно, но строго.

Макс сглотнул, выдохнул:

– Получается, Кейс приехал с заведомой целью объявить о вторжении из Вены? Либо принимается его вариант коммюнике. Либо он идет ва-банк: весь такой благородный, старался, искал компромиссы, но коварные русские попытались обвести его вокруг пальца, так? – Макс повысил голос: – При чем тут фотографии эти идиотские?! Что за коробка, черт возьми?!

– И я хотел бы это понять.

Максим рванул в уборную. Сергиенко подождал, но из Москвы больше не перезвонили.

Потеря

Приехав домой, Максим еле заволок ватные ноги в квартиру. Его окружили сразу трое. Толик и Славик мурлыкали и терлись каждый о свою ногу. Фрэнки извивалась длинным телом, виляла хвостом и как-то не то погавкивала, не то похрюкивала, пытаясь подпрыгнуть повыше, что беременной таксе давалось нелегко.

После смерти мамы он забрал к себе ее избалованную, шоколадного цвета с желтым подпалом гладкошерстную таксу. И, судя по всему, в поездке в Альпы недосмотрел. Теперь смиренно ожидал австрийского потомства.

Домашние животные не видели его со вчерашнего утра, им было о чем рассказать. Сфокусировалась «дискуссия» в основном на вопросах питания. Макс на автомате прошел из прихожей на кухню, положил корм собаке и котам, налил в миски воду, задвинул зачем-то выдвинутый ящик кухонного шкафчика.

Домашняя обстановка подействовала расслабляюще, мобилизация иссякла. В мозгу вертелись только обрывки мыслей. О Цареве и его семье, о безумной пресс-конференции, о разговоре с грубым московским боссом. Они толпились, требовали к себе внимания, отталкивая друг друга, как коты с собакой.

Макс понимал, что должен что-то предпринять. Вывести

Фрэнки на улицу. Приготовить завтрак. Но сил совсем не осталось, а толкотня мыслей и зверей не позволяла сосредоточиться. Организм нашел выход – горячий душ. Макс нырнул в примыкавшую к кухне ванную комнату.

Выйдя голым из жаркого пара, Макс вспомнил лестничную сцену с Настей и захотел поскорее позвонить ей, прежде чем приниматься за неотложные дела. Телефон находился в гостиной. Макс любил поболтать по городскому – как раньше дома, до приезда в Вену. Обрадовался, устремляясь к дивану и предвкушая, как усядется там в окружении звериной свиты.

Фрэнки не давала пройти и скулила.

– Ну чего тебе? – устало удивился хозяин. Похоже, собака опять подралась с котами, на морде виднелись следы крови.

Звук, который издал Максим, увидев на своем диване Царева в окровавленной белой рубашке, не был похож ни на что ранее слышанное им от себя. Макс и не знал, как воет, потому что никогда раньше этого не делал.

Виктор Никитович был еще жив, шевелил губами, по-рыбы раскрывая и закрывая их. Но его поза, цвет лица и огромная лужа крови на диване отталкивали Максима, как будто незримая стена пролегла между живым и умирающим. Рядом с Царевым лежал окровавленный старый эсэсовский кортик со сбитой свастикой.

Макс узнал этот отвратительный предмет и почувствовал тошноту. Размышления, внутренние голоса, разговоры с са-

мим собой – все внезапно остановилось, в мозгу воцарилась гулкая, отупляющая пустота. Он пересилил себя и с большим трудом на шаг приблизился к умирающему. Царев не узнал Макса; глаза его, казалось, ничего не видели.

Мысли вернулись. Резко. Как внезапно приезжает сразу много троллейбусов после водительского перекура. «Скорая. Милиция. Черт. Полиция. Мы же за границей, в жилом доме миссии». Макс задвигался в нервном танце. Потянулся за кортиком, потом за телефоном.

В этот момент кто-то вошел в квартиру. Здесь принято не запирают двери и запросто заходить друг к другу без стука. Появился подчиненный Максима, секретарь миссии Прыгальцов. Смазливое лицо перекосило то ли от вида смерти, то ли от наготы Максима, стоявшего с окровавленным кортиком в руках.

– Почему ты здесь? – отрешенно спросил Макс.

– Пришел на ваш крик, Максим Анатольевич. Что с Виктором Никитичем? – Коллега то косился на раненого, то смотрел на гениталии Макса и его руку с холодным оружием.

– Срочно врача, срочно скорую, всех – срочно!!! – яростно заорал Максим.

Прыгальцов вздрогнул и засуетился. Дозвонившись, что-то закричал по-немецки в трубку. Через долю секунды взвыли сирены.

Макс хлопотал вокруг Царева. Отодвигая журнальный столик от дивана, случайно смахнул все, что на нем лежало.

Веером рассыпались номера «Плейбоя», которые он по дурацкой привычке иногда рассматривал.

– Максим Анатольевич, наш дом находится под дипломатическим иммунитетом. Для прохода сюда полиции требуется разрешение старшего должностного лица, – официально доложил Прыгальцов, уставившись на журналы.

– Я теперь старшее должностное лицо, – от слова «теперь» захотелось выть, – я разрешаю.

– Вам необходимо выйти к офицеру, – жестом пригласил Прыгальцов, войдя в роль единственного адекватного взрослого.

Максим двинулся по коридору к выходу из квартиры, но, заметив себя в зеркале, осознал, что по-прежнему голый и весь в крови. В крови умирающего Виктора Никитовича. Он попытался надеть куртку, но руки не слушались, застревали в рукавах. Ноги запутались в брюках. Максим оступился, упал. Прыгальцов, сохраняя самообладание, помог ему встать и одеться. Вдвоем они бросились бегом к выходу из дома. Фрэнки рванула за ними.

Озабоченный полицейский приехал на мотоцикле, бригада скорой помощи – в минивэне «Самаритян» с мигалками. По-деловому и быстро прошли в квартиру. Фрэнки успела проскользнуть обратно после исполнения своих естественных уличных обязанностей.

Зазвучали казенные фразы на немецком:

– Мужчина мертв. Смерть наступила только что от потери

крови. Ножевое ранение нанесено холодным оружием времен Второй мировой войны, в интервале от одного до двух часов назад. Никаких следов борьбы нет. – Врач завершил первичный осмотр тела.

Полицейский обратился к русским:

– Кто из вас вызвал полицию?

– Я, Денис Прыгальцов, – отозвался секретарь.

– Расскажите вашу версию событий.

– Я был дома, в соседней квартире, собирался на работу.

Услышал странный стон из жилища господина Трофимова. Решил проверить, все ли в порядке. Подошел к двери, она не заперта. Потихонечку вошел. И вот – увидел.

– Что вы увидели, герр Прыгальцов? – бесстрастно спросил полицейский, заполняя протокол на твердой подложке.

– Я увидел, что господин Трофимов наклонился над господином Царевым и держит нож. А господин Царев как будто отключился. Господин Трофимов был голым, испачканным в крови.

– Голым? – Полицейский поднял брови, посмотрел на Максима, потом на разбросанные журналы «Плейбой». – Вы можете подтвердить эти факты, герр Трофимов?

Максим прокручивал в голове фразу врача: «Der Mann ist tot»³. Вспомнилось, как Царев частенько заходил к нему по вечерам «подвести итоги дня». Попивал Дербентский коньяк вот за этим столиком, на этом диване, смешил до колик

³ «Мужчина мертв» (нем.).

анекдотами из командировок на Восток...

– Герр Трофимов? – Полицейский требовательно обратился к Максиму, кажется, уже в третий раз.

– А, да, простите. Все так и было, да. – Максим потрянул головой. – Я вышел из душа и обнаружил Виктора Никитича, то есть господина Царева, тяжело раненым. Еще до того, как я сообразил, что же делать, пришел коллега Прыгальцов и любезно взял на себя организацию помощи. – Макс, насколько смог, собрался с мыслями. – Убийца оставил следы? Требуется максимально тщательное расследование.

– Герр Трофимов, мы безусловно изучим все улики, если глава российской миссии позволит это австрийским правоохранительным органам. А пока я хотел бы, чтобы вы проехали с нами в участок.

– А вот это вряд ли возможно. – Запах табака ворвался в помещение на секунду раньше запыхавшегося Сергиенко.

– Кто это? – поинтересовался полицейский у Прыгальцова как у своего осведомителя.

– Советник. Герр Сергиенко, – четко доложил секретарь.

– Я сам представлюсь тому и тогда, кому и когда сочту необходимым. – Сергиенко грозно повел усами в сторону Прыгальцова и, как кот, заурчал австрийцу: – Господин офицер, все присутствующие здесь обладают дипломатическим статусом и иммунитетом. Ответить на ваши вопросы, безусловно, допустимо. Но покидать миссию мы никак не можем.

– Кто является руководителем миссии? – Полицейский явно не был настроен отдавать бразды правления русскому мачо.

– Поди чайку поставь, – быстро скомандовал Сергиенко Прыгальцову.

Тем временем Максим немного пришел в себя и обратился к полицейскому на чистом венском диалекте:

– Господин офицер, позвольте выразить признательность вам и в вашем лице глубокоуважаемой Австрийской Стороне за внимательное отношение к нашим проблемам. Просим понять нас правильно. Мы пребываем в состоянии глубокого потрясения. Погибший служил руководителем миссии, – взгляд Макса упал на тело, и голос дрогнул, – он также был нашим хорошим товарищем. Его убийство трудно объяснить...

– Господа, пройдемте на кухню. Господин врач подтвердит, самое лучшее сейчас – чашка горячего чая или кофе, кому что по душе, – сладко напевал Сергиенко, увлекая за собой насупленных австрийцев на кухню, где Фрэнки уже виляла хвостом в надежде на угощения. – На вашей памяти часто такое случается на территории, находящейся под дипломатическим иммунитетом?

Затолкав посетителей на кухню, где Прыгальцов разливал по чашкам горячие напитки, он как бы случайно столкнулся в коридоре с Максимом.

– Максим, я прикрою. Пока формальности, то да се, дуй

в посольство. И быстро!

– Мои животные...

– Действуй. За зверьем я присмотрю.

Побег

Максим любил ходить в горы, когда представлялась такая возможность, поэтому туристическая сумка всегда была собрана, готовая к запаху леса и шуму реки. Он прихватил ее на выходе из квартиры и довольно быстро оказался в посольстве. Благо там имелся душ и чистое полотенце, пришлось снова помыться, чтобы оттереть с себя кровь.

Максим смотрел, как с него стекает красноватая вода, и удивлялся собственной уравновешенности. Как будто ему вкололи сильнодействующее обезболивающее. Горе теперь находилось где-то снаружи, позволяя наблюдать за собой со стороны. Дрожь прекратилась, руки согласились слушаться, разум прояснился. Он переоделся в бежевые, перехваченные внизу резинкой брюки-карго с крупными карманами, тонкий синий кардиган, белую футболку и теннисные кроссовки.

По всем раскладам следовало ожидать приказа срочно вылететь в Москву, пока не началось полноценное расследование и местные органы юстиции не затребовали его к себе или тем паче не посадили под арест. Ясно, что пока единственный подозреваемый – это он. Но и в Москве его вряд ли ждала теплая встреча. Чего стоит один разговор с Расуловым! Ситуация не просто вышла из-под контроля, чего Макс почти всю тридцатилетнюю жизнь старательно избегал, его мир разорвало на части. Причем – как ему казалось еще па-

ру часов назад – это произошло на пике успеха и счастья.

Страх и стыд внезапно вернулись и подступили к горлу, требуя свой оброк в десятикратном размере.

Макс усилием воли подавил паническую атаку. Вспомнил кинжал, который Царев «вложил ему в ножны» перед переговорами: «Я достаточно вооружен, чтобы справиться».

Оказавшись в кабинете, который, как и все вокруг, казался теперь слегка чужим и странным, он набрал Настин номер. Она схватила трубку еще до гудка:

– Что происходит? Ты в порядке?

– Настена, беда! Большая беда. Виктор Никитич убит...

Настя ахнула.

– В моей квартире.

Настя тихонько завывала, явно зажимая себе рот. Макс заботливо произнес:

– Заяц, и тебе, и мне надо срочно уезжать. К сожалению, сейчас нам лучше не видаться, попрощаемся по телефону.

– Ты в Москву полетишь? – с трудом взяла себя в руки девушка.

– Я скоро свяжусь с тобой. Ты соберись и поезжай в аэропорт, ни с кем не разговаривай, не отвечай на звонки. Поменный билет и улетай.

– Хорошо, – она помедлила, – будь осторожен!

Макс положил трубку. Достал паспорта, дипломатический и обыкновенный, доллары и непривычные, только что введенные в оборот евро. Убрал документы со стола. С тос-

кой подумал, что надо бы кому-то передать дела, а кроме Прыгальцова некому. Но к нему он теперь испытывал необъяснимую неприязнь.

Без стука вошел Сергиенко.

– Ну что? – спросил Максим с нелепой надеждой в голосе, как будто положение могло за это время исправиться.

– Хреново все. Собрался? Билет взял?

– Ага. – Если бы у Максима был хвост, он бы его поджал и уши забросил бы на шею, как Фрэнки.

– Из посольства никуда не выходи. Я сам тебя в аэропорт отвезу, дам аэрофлотчику, в Москве тебя встретят. А пока подготовлю доклад о случившемся.

– Сдам? Встретят? Доклад? – Максиму сделалось тошно.

Сергиенко, не обращал на него внимания:

– Доложу, что в твоей квартире совершено убийство поверенного в делах. И не вдруг, а после трудных переговоров с американской делегацией под твоим руководством, а также, – Сергиенко сделал многозначительную паузу, – после разоблачительной пресс-конференции, на которой были показаны фотографии этого самого поверенного. Ну и еще кое-какие подробности, в частности, что ты первый в списке подозреваемых у австрийской полиции...

Максиму сделалось холодно, лист бумаги прилип к потной ладони.

Сергиенко продолжил нудеть:

– ...попал ты, парень, прямо скажем, не совсем удачно.

Максиму захотелось съесть Сергиенко. Но неясно, за какое место его укусить, чтобы он не понял его неправильно.

Тем временем тот бубнил, не испытывая ни ужаса, ни неловкости:

– Я пока пойду поработаю. Выезд в 17.00.

Распушив усы, Сергиенко покинул кабинет.

Максим тоже вышел в коридор, прошелся до чайной комнаты. Особняк, вчера соблазнивший их с Настей молодецким блеском, сейчас показался утомленным старцем. «Переплясал мазурок на балу?» Самовар с баранками тоже выглядел скучающим.

«Никому до меня нет дела», – с некоторой обидой подумал Макс и вдруг развернулся и быстрым шагом вернулся в кабинет. Ловким движением схватил сумку и сбежал по розовой лестнице с колоннадой, навсегда оставшейся в его сердце. На ходу подмигнул знакомому курилке-дежурному. Короткое «я в город» прервало все расспросы. Преодолев в два прыжка посольский сад, выскочил через тяжелую резную калитку наружу.

«Значит, Сергиенко еще не объявил «план-перехват». Вот и молодец. Или это нарочно? Оставил одного и позволил уйти?» – на долгие размышления времени не оставалось.

Максим быстро перебежал улицу. Уши слегка приподнялись, хвост вильнул. Ему вдруг показалось, что он точно знает, что делать. Как будто когда-то был выработан план на такой случай, и теперь его изъяли из сейфа вместе с паспорта-

ми и деньгами. Макс ориентировался по нему, как по карте.

Добежал до трамвайной остановки, доехал до Ринга, свернул на Мариахильфештрассе, где сел в автобус. Вот и Гюртель, а вот и Вестбанхоф – Западный вокзал.

На задворках – давно облюбованный прокат машин. Хозяева-сербы по обыкновению приняли как родного. За неизменным кофе присели к крошечному столику у входа в пыльную конторку обсудить маршрут.

– Куда едешь на этот раз, друг? – поинтересовался хозяин автопроката Душан.

– Не знаю.

План-карта дальше ничего не показывала. Уши снова опали.

– О, не ожидал такого от тебя! Максим – эксперт по графикам и календарям. Все заранее, все вовремя, все по расписанию... – Душан хихикнул. – Может, это любовь? Женщина? Кстати, у тебя с ними тоже – все по инструкции? – Серб веселился от души.

– Брось. Мне сейчас не до шуток.

– О? Ну, значит, точно сбой в заранее утвержденной протокольной программе. Ладно. Скажи просто, какая самая крайняя точка твоей поездки. – Душан подошел к письменному столу оформить документы на автомобиль.

Максим задумался. Вообще-то ему хотелось бы сбежать туда, где его никто никогда не найдет. «Зачем я в прокате? На билет до Мадагаскара в один конец хватит. А там – видно

будет».

– Тироль, – как будто со стороны услышал он собственный голос.

– Господи, Максим, опять Тироль? Ну что за скукота! Возьми тачку и поезжай на край света – ну хоть раз в жизни.

Душан налил и поднес маленький стаканчик домашней ракии. Макс отрицательно качнул головой.

– Запиши в свой журнал – Неаполь.

– Ха! Вот это я понимаю! Это другое дело, наконец-то похоже на приключение! – Душан возликовал и опустошил стаканчик сам. – У меня же в Неаполе брат – Драган! Передашь ему ящик ракии, ну и машину можешь оставить, если обратно самолетом захочешь вернуться.

– Правда, что ли? А где его там найти?

– В порту. Прокат машин прямо в порту. Рядом с баром «Colin's Place». Он сотрудничает с одним англичанином, бар и прокат – услуги на любой вкус.

– Гхмм, насколько совместимы такие услуги?

– Там можно и поспать, если совсем трудно ехать.

– Вот как.

– Я брату завидую: море, солнце, граппа. Не то что тут: холод, скука, шнапс. Эх, вот бы махнуть с тобой! Братишку обнять, погулять как следует... – Взор Душана затуманился.

– В другой раз так и сделаем. – Максим забрал документы. – Все же сначала в Тироль.

Душан подошел к нему, взял за плечи, пристально по-

смотрел в глаза. Макс отвел взгляд.

– Друзе, скажи мне, у тебя беда? – Душан сочувственно похлопал Макса по спине. – Я сразу почувствовал, с первого взгляда.

Еще когда умерла мама, Макс заметил, что труднее всего сдерживать предательские слезы, если добрый человек выражает искреннее сочувствие. Он отвернулся. Душан с удвоенной силой хлопнул его на сей раз по плечу. Макс высморкался и пошел к машине – наивно голубому «Фиату Пунто». В зеркало увидел, как серб заботливо укладывает в багажник ящик семейного напитка.

– Как это у вас называется? Дипломатический груз?

– Ага, вализа, – сыронизировал Макс, высунувшись в окно. – А я, стало быть, теперь в некотором роде дипломатический курьер, – пробормотал он себе под нос, поворачиваясь к рулю.

Хижина

Максим встал на трассу А1, рассекающую Австрию пополам с востока на запад. Он вновь точно знал, куда ехать.

На выезде из города открыл бардачок. Конечно, Душан положил диск. Любимые песни заполнили салон, в который на пару часов спрятался Максим. Теперь должны прийти ответы. Они всегда приходили к нему, когда он слушал эт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.